

Надежда Туровская

МАТЕРИНСКИЙ ФОЛЬКЛОР И РАННЕЕ ДЕТСКОЕ СТИХОСЛОЖЕНИЕ: ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОЭТИКИ

Детский фольклор – одна из немногих областей устного народного творчества, которая и сейчас находится в динамике. Внимание учёных на современном этапе в основном привлекают именно новые, по сравнению с традиционным фольклором, жанровые формы, такие, например, как «страшные истории». Яркое внешнее отличие этих произведений от жанров традиционного детского фольклора – голосанок, скороговорок, считалок, дразнилок – их прозаическая форма. Следует ли из этого, что современным детям (преимущественно горожанам) ближе и понятнее проза? Такая мысль кажется несколько странной, так как на протяжении многих веков в собственно детском фольклоре преобладали стихотворные произведения. Тем более, что жанры материнского фольклора – первого образца поэтического слова – также стихотворны.

На самом деле странность тут невелика: появление прозы в детском фольклоре можно объяснить многими реалиями современной жизни, влияющими на развитие детей (пресса, телевидение, кинематограф и т. д.) Но неужели на современном этапе исчезает многовековая преемственность материнского и собственно детского фольклора? Если вновь создаваемые детьми фольклорные произведения не являются в этом смысле наследниками колыбельных песен, пестушек, потешек, можно ли говорить об уменьшении влияния традиционного фольклора на устное творчество современных детей?

Ответ на этот вопрос, как нам кажется, можно найти, обратившись к интереснейшему явлению в развитии детей дошкольного возраста – раннему детскому стихосложению. Это явление достаточно подробно рассматривал К. И. Чуковский в разных изданиях своей книги «От двух до пяти». К сожалению, насколько нам известно, в последующие годы объектом серьёзных исследований раннее детское стихосложение не становилось.

Именно в первых стихотворных опытах детей от двух до пяти находят своеобразное отражение многие черты поэтики традиционного материнского фольклора. Рассмотрим это подробнее, взяв за основу материалы, собранные К. И. Чуковским.

Первые детские стихи вряд ли можно отнести к литературному творчеству, они словно находятся между литературой и фольклором. Не только устная форма приближает их к последнему: степень осознания авторства у детей также невелика. Главное же, на наш взгляд, – высокая степень синкретизма. К. И. Чуковский назвал это «слиянием поэзии с криками и топотом ног» [3, 343]. Г. А. Барташевич отметила, что «в колыбельных мы видим слитые воедино движение, музыку, слова, что было характерно для древнейшего искусства синкретичного характера» [1, 34]. Пестушки, потешки, поскакушки для ребёнка также неотделимы от действий,

ими сопровождаемых. Позже они отрываются от жеста и пения: «ребёнок утрачивает моторное ощущение стиха» [3, 338]. Детское творчество как бы проходит в миниатюре эволюцию искусства вообще, которое шло от синкретизма к дифференциации.

И колыбельные песни, и пестушки, потешки, поскакушки – произведения ритмизованные. Конечно, характер ритма различен: в зависимости от функций произведений он может быть спокойный или бойкий. Причём некоторые сюжеты колыбельных иногда используются «не только при убаюкивании, а с мажорной мелодией в качестве потешек» [1, 59]. Ритм детских стихов – в абсолютном большинстве ритм подскоков, пляски. Схема рождения этих стихов: от движения – к звуку, от звука – к слову:

Я не таак волоку.

Я в галопию скаку!

Часто всё стихотворение – повтор одной строки, организованной ритмически, чем она единственно и отличается от прозы:

Эта травка арбикой!

Как я жёлто говорю!

Позже стимул к сочинительству может быть не только «скакательно-игровой», но и языковой (ср. в фольклорных дразнилках звуковые вариации имени: Федя-бредя съел медведя). Но здесь уже речь идёт не только о ритме: появляется рифма.

К. И. Чуковский считал, что «вообще всякая рифма доставляет ребёнку особую радость» [3, 310]. «Годовалые дети... пользуются рифмой не для игры, не для украшения речи, но исключительно для её облегчения. <...> Рифмотворчество в двухлетнем возрасте – неизбежный этап нашего языкового развития» [3, 316-317]. Вероятно, и когнитивного, миропознавательного. Ребёнок стремится упорядочить свои немногочисленные сведения о явлениях окружающего мира, и рифма – прекрасная иллюзия этой упорядоченности.

Как и в народной детской поэзии, рифмы здесь обычно смежные: дети не могут долго удерживать в памяти окончание предыдущей строки.

Источники рифмы разнообразны.

Дети «ловят» рифму и ритм в прозаической речи (взрослых или своей):

Я лохматый и вихратый!

Я вихрастый и лохмастый!

Вон туда,

Где вода!

Иногда им приходится создавать новые слова или деформировать существующие в языке:

Генералы – сухопутные.

Адмиралы – водопутные.

Плывут уточка с гусём

На раздутых парусѣм.

*Том, том, том,
ешу кашу с молоком,
томи, томи, томи,
ешу кашу с молокоми.*

В стихах детей, как и в детском фольклоре, например, считалках, слово «выступает не столько выразителем определённого смысла, сколько носителем необходимой ритмической единицы и рифмы» [1, 178]:

*Шибко зайчик побежал,
А за ним бежит журнал.*

Для этих целей часто используются даже не слова, а просто комбинации звуков:

*Бом-бом, тили-тили!
Нашу маму сократили!*

Образец здесь, очевидно, тоже фольклор: многочисленные тенти-бренти, дон-дон-дон, ай дуду-дуду-дуду, тюшки-тюшки- тюшки.

И хотя «подлинный стих начинается там, где кончается автоматическое произнесение звуков и начинается смысл» [3, 120], некоторые детские стихи «бывают бессмысленными, ибо исполняют главным образом функцию музыки» [3, 324]:

*Уманяю, уманяю!
Уманяю, уманя!*

«Часто... вначале они исполнены самого чёткого смысла, но потом под влиянием игры этот смысл понемногу выветривается, и стихи незаметно для автора становятся заумными глоссами» [3, 324]. Подобный путь проходят «заумные» слова в фольклорных произведениях.

«Эку пику дядя дал!» > «Экикики диди да!» (о камышинке) – вот пример подобной эволюции от смысла к чистому звуку.

Таким образом, мы видим активное функционирование особенностей поэтики материнского фольклора в первых детских стихах. И чёткий ритм – хорей (реже ямб, анапест), и тяготение к смежной рифме, и «заумные» слова – если не хватает обычных, и само стремление сопроводить звучащими стихами каждый важный и интересный момент жизни – всё это, мне думается, маленький ребёнок впитывает из фольклора.

В заключение хотелось бы обратить внимание на определённую взаимообусловленность явлений. Не только характерные черты ранних детских стихов соотносятся с поэтикой материнского фольклора. Сама эта поэтика веками складывалась в соответствии с возможностями восприятия и потребностями сознания ребёнка. И поэтому она вновь и вновь оказывается близка детям и органично «перенимается» ими для собственных стихотворных опытов. В результате ранние детские стихи, занимая промежуточное положение между фольклорным и литературным творчеством, одновременно заполняют нишу современных поэтических наследников традиционного материнского фольклора.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барташэвіч Г. А.* Вершаваныя жанры беларускага дзіцячага фальклору. Мн., 1976.
2. *Кравцов Н. И., Лазутин С. Г.* Русское устное народное творчество. М., 1983.
3. *Чуковский К. И.* Сочинения: В 2 томах. Т. I. М., 1990.